

Вера Рехтер

Родилась и получила образование в Минске. В 1991 г. переехала с семьей в Израиль. Работает в строительстве. Лауреат Международного поэтического конкурса имени В. Добины 2011 г. (2-е место).

Ироническая и лирическая поэзия

Жизнь моя

Жизнь моя, не заблудись в дороге
В. Добин

Кто-то вновь
 плывёт под парусами,
встречным улыбается ветрам,
бросив вызов шторму и цунами,
веря в исполнение желаний
и в удачу – смелых талисман.

Я давным-давно сошла на берег –
ластится у ног ручной прибой...
Воздаётся каждому по вере.

Почему же ноет в подреберье,
дом уютный кажется тюрьмой?

Хочется сломать,
 раздвинуть стены,
крылья обрести и высоту,
вдаль рвануть
 на краешек Вселенной,
вместо реверанса с авансцены,
крикнув: не дожждётесь, - в темноту.

Вывравшись из будничной берлоги,
новый лист открыть в своей судьбе,
пусть не зная цели – мы не боги...
Жизнь моя, не заблудись в дороге,
приведи меня к самой себе.

Трамвайный блюз

Дождит за окнами,
деревья мокрые,
по рельсам памяти из года в год
трамвай-желание
сквозь расстояния
неспешно в прошлое меня везёт.

Аллея с клёнами,
где мы влюблёнными
гуляли за полночь, забыв про то,
что дома ждали нас,
что в этот поздний час
трамвай, как водится, уйдёт в депо.

Ты обнимал меня,
сверкала молния,
кружился шар земной и голова.
Прошло полвека, но
забыть мне не дано
трамвай, что в юность шёл из точки А.

* * *

Введите внутривенно мне дельфинов
и жаропонижающий прибой,
чтоб кровь была не алою, а синей,
и даже благородно-голубой.
Чтоб стала бестелесной, невесомой
усталая изношенная плоть,
накапайте мне девять баллов шторма,
упорство волн велите мне вколоть.
Напичкайте меня морским простором,
бесстрашием и безрассудством скал,
ветрами – без пощады, до упора –
я не любил покой и не искал.
Не разбавляйте нитроглицерином,
не досаждайте праздной суетой...

Вот только
не забудьте про дельфинов –
лаская их доверчивые спины,
я чувствую, что всё ещё живой.

Размышления о картинной раме

*...позолоченная рама, с её очерченным
сияющим ореолом, создаёт границу
чистого блеска между живописью и
реальным миром.*

Х. О. Гассет, испанский философ

По дереву ценной породы
ручная струится резьба,
и золота отблеск сквозь годы
мерцает. Шутница-судьба
достоинством, мудростью, силой
тебя одарила сполна,
но славой мирской обделила,
затмив волшебством полотна.

Картину в объятиях нежных
держала столетия ты,
а взгляды скользили небрежно,
не видя твоей красоты...
Менялись и стили, и вкусы,
мелькали века, времена,
но ты, не поддавшись искусу,
была своей сути верна.

Под краской заметны морщины,
но рама сияет, любя...
Вдруг, как-то без всякой причины,
пойму: не могу без тебя...

Женщина

Женщина – решение и загадка,
нежность, возрождённая из пены,
одержимость, боль и лихорадка,
кнут и пряник, вечная дилемма.

В мире цифр и дивидендов точных
женщина изменчива, как вирус –
точку заменяет многоточьем,
плюс, играя, превращает в минус.

В ней непредсказуемость цунами
и умение быть чужой и близкой,
мягкость пластилина,

твёрдость камня,
рысья осторожность, жажда риска,

сладость обещаний, горечь яда.

Это всё не полная картина.

Что же ей самой от жизни надо?

Мелочь –

терпеливого мужчину.

В детстве

В детстве лес казался глуше
и стелились травы шёлком,
мы могли кукушку слушать,
не боясь, что вдруг умолкнет.

Пальцы пахли земляникой,
ручеек смеялся звонко,
в нём метались солнца блики
перепуганным зайчонком.

Радость бабочкой порхала.
День наполнен, словно улей.
Жизнь так много обещала,
дни так быстро промелькнули...

Лето в Крыму

Я с детства помню
до обидного немного:
русалочку с кувшином у фонтана
и эскимо в руках девчонки тонконогой,
бегущей с братом
по петляющей дороге,
а рядом – молодые папа с мамой...

Какие странные порой хранит детали
ребячья память... Трещинка на камне,
под вальс Шульженко
мама с папой танцевали,
а вот кафе,
куда нас в шортах не пускали,
сметана ненавистная в стакане.

Прибоя волны нас любили и ласкали
и розы опьяняли ароматом,
перебивая запах моря и кефали...

Альбомы старые
вчера с детьми листали...
Я вспомнила себя в семидесятом...

Январская фантазия

Было скучно январю,
захотелось карнавала.
Из сосулк мишуру
он развесил, как попало.

Городские фонари,
что скучали ночью длинной,
закружил на раз-два-три,
забелил окошки гримом.

Пригласил на танец снег.
И напудренные кроны,
поднимая ветви вверх,
с ним плясали увлечённо.

Речку быструю сковав,
любовался отраженьем.
Только проруби овал
не поддался наважденью...

Озорник

Кто сказал, что ветер –
злой, тысячелетний
старец озлоблённый? –
Нет, он молодой!
Он мальчишкой юным
носится по дюнам,
с парусами реет
гордо над водой.
Пляшет до упада
танцы с листопадом,

А зимой сугробы
снега наметёт.
Под ноги девочкам
стелется позёмкой,
с дождиком он плачет
и – наоборот:
с пылевою тучей,
знойный и колючий,
из самой пустыни
принесёт привет,
то играет с нами,
хлопая дверями,
то притихнет к ночи,
будто вовсе нет.
Разыграет бурю,
да ещё какую!
После, обессилив,
спрячется в траве.
Как и все мальчишки,
думает не слишком,
у него гуляет
ветер в голове.

Черепаха

Черепаха, черепаха...
До чего умна природа...
Ближе, чем своя рубаша, -
дом в любое время года.

Шаг неспешный, осторожный.
Всё своё несёт с собою.
Не дворец, но всё же, всё же,
как за каменной стеною.

Не сорвёт с «катушек» крышу...
Если что, то хата с краю,

мол, не вижу и не слышу,
и к тому ж – «не догоняю».

На засов душа закрыта,
в доме нет дверей и окон.
На друзей он не рассчитан.
Тихо в доме, одиноко.

Так живёт, пугаясь тени,
триста лет на белом свете,
в неосознанном движенье
к главной цели – к тихой смерти...

Ашдодская весна

Лето в Израиле правит бессрочно,
но календарь объявляет весну –
и по команде откроются почки,
вытолкнув в мир молодую листву.

Склоны наряды цветные наденут,
серость упрятав под яркую шаль,
и заневестится кружевом пенным
вдруг в одночасье
расцветший миндаль.

Небо утонет в бескрайности моря,
в дюнах пески разрисует хамсин.
Всхлипнет сирена

паническим воем:
взрывы... Отбой.
Дай нам, Господи, сил...

★ ★ ★

Об этом нельзя стихами,
но и молчать нельзя...
Сирена визжит ночами,
как поезда тормоза.

Взрывая сон и реальность,
врывается в сонный дом.
Никто не верит в фатальность.
Страх приходит потом...

К семнадцатилетию

Улыбка – хитряга. Расты кудлаты.
Серёжка над бровью. Баса раскаты.
Радость из глаз,
 словно брызги фонтана.
Дел – бесконечность.
 Идеи – спонтанны.
Орган, барабан, гитара и скрипка,
хомяк, попугай, котятка и рыбка...
Успеть и познать –
 любопытство щенячье.
Брейк-данс, карате. Ожидание счастья.
Книжки читает, правда, со скрипом.
В движении вечном. Коленки разбиты.
Оценки – для мамы. Ему – не важны.
Майка на вырост, под попой – штаны.
Застенчив и нежен.
 Воспитан с пелёнок.
И умный, конечно,
 (еврейский ребёнок).
Вчерашний мальчишка,
 задира, пострел.
Повестка в конверте...
 Ты так повзрослел...

Чем пахнут дочки

Чем пахнут дочки? – Вешними лугами,
весенней свежестью, дождём, закатом,
клубникой, молоком и ароматом
французской парфюмерии «Армани».

Кокетством женским,
 переменной школьной...
Упрямством и забытою зверушкой,
грустящею безмолвно
 под подушкой
ракеткой теннисной,
 мячом футбольным.
И музыкой, пугающей немного,
прибоем моря, теплотой песка,
конфетами, изыском коньяка,
разлукой, поцелуем у порога.
И тайной неземного бытия,
улыбкою, помадою, капризом
и чем-то мимолётным...
 Может, бризом...
И так же пахла молодость моя...

Младшей сестре

Сёстры мы, но такие разные,
как два берега речки быстрой.
Я любила стихи с рассказами,
ты – в альбоме водила кистью.
Мы с тобою такие разные,
как два полюса у магнита.
Если я выбирала красное,
говорила ты – что рябит он.
Не люблю я слова пустозвонные,
не приемлю хвалебные спичи...
В дочке вижу я,
 с детства знакомые,
твой характер, черты и привычки.
Как снежинки по небу летящие,
для чужих мы похожи – не скрою.
Я всегда для тебя буду старшая,
Ты –
всегда будешь младшей сестрою.

Армянские айрены в еврейском исполнении

Мне и дня без тебя не прожить –
хоть ты криком кричи,
я засохший бисквит,
ты нежнейший изысканный крем.
Мне б работать пойти –
гвозди гнуть и таскать кирпичи,
а я рифмы штамую,
пытаюсь составить айрен.*

Ты своей красотой
моё сердце пробила насквозь.
Прикажи, и я сам
добровольно пойду к тебе в плен.
Я бы многое смог,
ухватил бы жар-птицу за хвост,
но мне некогда –
я, как безумный, слагаю айрен.

Я – квадрат, но во мне
все углы стали разом тупы,
ты – парабола неги –
от мочек ушей до колен.
Свет в туннеле зажги!
Я плутаю, я сбился с тропы
и не знаю молитв,
лишь старинный армянский айрен.

Небоскрёб без фундамента,
я, только с виду высок,
без тебя я не ем и не пью.
Ну, почти что совсем.
Едет крыша, мозги ищут выход
и бьются в висок...
Я шепчу «либе дих»,
по-армянски – «эс кес сирум эм».

И на этом кончаю
армяно-еврейский айрен.

О носках

Молекулы, атом, нейтроны –
изучено всё до основ,
но вечным упрёком учёным –
загадка непарных носков.
Плюя на законы Вселенной,
срок годности, точку росы,
однажды безмолвно, мгновенно,
как травы от взмаха косы,
влекомы неведомой силой,
бесследно, как воды в песок,
они исчезают...

Мой милый,
я ясно тебе объяснила,
куда задевался носок?

★ ★ ★

Не нужны мне морские курорты:
берег моря почти под окном!
Жарким днём
после пыльной работы
я хотел искупаться – облом!
Там медузы размером с подушку
жалят кожу, как тысяча пчёл.
Я, конечно, не то, чтобы трушу,
но купаться раздумал... Пришёл
через месяц. Но море штормило,
волны зверем вгрызались в песок.

**айрен – форма армянской любовной
средневековой поэзии из 4-х строф,
где каждая строка – из 15 слогов –
выражает законченную мысль.*

Солнце сверху смотрело уныло
на трепещущий чёрный флажок.
Я решил со стихией не спорить:
лето длинное в наших краях,
успокоятся нервы у моря,
вот тогда и приду. Только – ах!
Наши будни суровы и грубы –
ночью в море, почти не таясь,
с производства спустили по трубам
воды сточные, мусор и грязь...
Может, это для моря и капля,
только что-то не хочется мне
вместе с дохлою рыбой качаться
на солёной мазутной волне.
Не нужны мне морские курорты:
берег моря почти под окном!
Жарким днём после пыльной работы
я включаю свой старенький комп.

Ананасы – в массы!

Надоела осенняя грязь,
мне бы знойного лета немножко.
Я на даче своей ананас
посажу по соседству с картошкой.

Необычный на вкус и на вид,
весь как будто из звёздочек соткан,
а разрежешь – как солнце горит,
истекая живительным соком.

Будет радовать глаз чудо-фрукт –
хвостик пальмочкой,

листья – метёлкой.

Кто сказал, что у нас не растут?
Чуть навоза, усилий, прополки...

Он украсит собой огород!
Не любитель на грядках, я – профи.
И сойдёт он с «престола» в народ,
как когда-то заморский картофель.

Предвыборное

Всем – по потребностям!
Всё очень просто!

Землю – крестьянам,
тельняшки – матросам,
детям – игрушки,

проценты – банкирам,
деньги – в зарплату,
семейным – квартиры.

Порно – мужчинам,
влюблённым – флюиды,
женщинам – кухню,

детей и либидо.

Мясо – голодным,
а страждущим – пиво,
бабам – цветы

в упаковке красивой.
Печкиных злобных –
на велосипеды,

с детства ленивым –
по ложке к обеду.

В массы – искусство,
спиртное – в стаканы.
Верьте нам, люди!

Мы вас не обманем.
Каждый нам дорог,
о каждом мы помним.

Пенсии – старым,
скамейки – бездомным.
Золото партии честно поделим.

Подпись и дата.

Всех с Первым Апреля!

Поэту

Семидесятые... Не так уж плохо...
Мы молоды, до глупости наивны.
Хрипел Высоцкий из открытых окон:
«Я не люблю, когда стреляют в спину»
И в горле ком стоял от этой песни...
Поэт судьбы натягивал поводья,
жить по-другому не умел, хоть тресни,
предчувствовал...

Нет, знал: по краю ходит.
И не было ещё Афганистана,
Союз был мощным,
дружба – нерушимой,
а Родина была почти что мама...
«Я не люблю...» - и мы ровняли спину.
Мы становились выше, благородней,
пытались уважать себя и прочих,
и в том, что мы свободнее сегодня,
заслуга и его надрывных строчек.
Всё изменилось
в веке двадцать первом...
Но из открытых настежь окон сына
несётся в будущее хриплым нервом:
«Я не люблю, когда стреляют в спину!»

★ ★ ★

На полотнах ярких мир в движение –
снов полёт, фантазии ночей.
Каплями по ним струится время
воском оплывающих свечей.
Лужей растекаются виденья...
Зыбко всё – от смерти до любви...
Лишь послушно замерло мгновенье,
повинуясь гению Дали.

Светлой памяти...

Не прощаясь, навечно уходят друзья,
не допев, не додав, не дослушав...
Так устроен наш мир.

Что ж, иначе нельзя...
Может, их улетевшие души
сверху смотрят на нас.

Свою боль и печаль
тем, кого долюбить не успели,
непролитые слёзы,

«прости и прощай»
посылают звенящей каплейю.

Может, там, в небесах,
в голубой тишине,
слышно то,

что нам здесь недоступно,
что пока не понятно...

Всё же верится мне
в книгу судеб –
не в случай преступный –
вновь уходят друзья...

По прошествии лет
время раны залечит, загладит...
Но, похожий в толпе увидав силуэт,
не смогу с наваждением сладить...

Вспышка

Всё проходит в этом мире бренном...
Жизнь – театр и смена декораций.
Занавес спускается на сцену,
где века проносятся мгновенно
без аплодисментов и оваций.
Холодом забвения окутав
мир, что был кому-то мил когда-то,
мрака ночи разрывая пути,
в вечности останется минута
вспышкой яркой фотоаппарата.

Юрий Рехтер

Родился в Украине,
в г. Днепродзержинске.
Инженер-теплоэнергетик.
Служил в армии в г. Дилижане,
затем работал в Минске инженером
в вычислительном центре.
В Израиле с 1991 года. Работает по
специальности.

Лирические стихи

Нежность

Улыбаешься дню,
улыбаешься солнцу,
дай мне руку твою,
отвори мне оконце.

Льётся нежности ткань –
красоты отраженье,
за строкою строка
в этом стихотворенье.

Невзначай подойду.
О, как миг этот сладок!

И ложбинку найду
где-то между лопаток.

Поцелуя глоток
остановит дыхание.
Как волшебный цветок,
расцветает желание.

И годам не унять
неземное блаженство,
в нём и нежность, и страсть,
и оно совершенство,

и любви торжество,
вдохновение и семья.
Не остудят его
ни тревоги, ни время.

С ним я не устаю
от трудов и бессонниц,
улыбаюсь я дню,
улыбаюсь я солнцу.

★ ★ ★

Что может женщина?
Наверное, немного.
Её стараниями проложена дорога
и на Монмартр, и на Парнас, и выше
– до запредельной высоты, до крыши
того безбедного и радостного края,
где началась история людская.
С библейских дней,

когда глаза Адаму
открыла женская рука, не прямо,
а через плод ветвей, увитых хмелем,
ей змеем данный, или же не змеем,
или она сама в трудах и муках
вдруг ощутила дар судьбы и духа,

обрекший на любовь, на жизнь,
на радость,
и ей уже совсем не оставалось
иных путей «и сердцем, и рукой»,
как основать могучий род людской,
войти в пределы бытия земного.
Мы помним, что в начале было слово,
и это слово так легко назвать –
святое и простое слово – Мать.
В нём изначально скрыто имя Бога.

Что может женщина?..
Наверное, немного...

Математическая басня

Хоть всем известно, о, Создатель!
Делить на ноль запрещено,
нули стремятся в знаменатель –
так, отродясь, заведено.
И чем ничтожнее делитель –
а он основа дроби всей –
тем представляется числитель
всё капитальней и крупней.
Он к бесконечности стремится –
Земли окрестности тесны –
приходит «тезоименитство»
взамен обычных именин.
И вот уже сверкают трубы,
поют осанну соловьи,
и не видны средь лести грубой
у основания нули.
Какая глупая беспечность:
все единицы заменив,
нули рождают бесконечность,
а бесконечность – это взрыв...
Как глуповат пузырь надутый,
он пустословия венец.

У этого земного пупа
вполне логический конец.
Как ни старайся и ни пыжься,
не обойдёшь ты всё равно
законы математик высших:
делить на ноль запрещено!

Тревожная молодость

*Нас бросала молодость...
Э. Багрицкий*

Годов проплывает отара
вдали угасающим светом,
лихая затихла гитара,
и молодость сгнула где-то.

Пучком увядающих лилий,
склоняя под ветрами спины,
дорог одичалые мили
бегут неприкаянно мимо.

Мы мчались, преграды сменяя,
чураясь разумных советов,
но вот уже юная стая
встречает шальные рассветы.

А мы возмущённо вздыхаем,
как будто на выход с вещами
уже нас зовут вертухай,
а нам ведь не то обещали.

Потеряна юности чаша
в застолье житейского пира,
хранители-ангелы наши –
по сути своей конвоиры.

Мы старики

Мы старики. Пришли нам сроки
не воевать, а обладать.
Не надо нам учить уроки
или экзамены сдавать,
трястись над прозой поступков
и наказания ожидать
за то, что плохо или глупо,
всё понимать и принимать,
и жить, на прошлое взирая
слегка надменно, свысока,
как будто точно направляет
нас провидения рука,
как будто нам в дали небесной
на нетто поменяли брутто,
и всё путём, и всё известно,
как будто бы...

как будто...

будто...

Урбанистическое

Зарёю вскормленный цветастой,
над городом рассвет взовьётся,
и всходит, небо заграбастав
у тьмы, безудержное солнце.

К нему, сверкая стёкол гляncем,
рванутся щупальцами спрута
высотки, как протуберанцы,
всё небо окнами опунав.

И лёгкими деревьев старых
вдыхая утра ароматы,
широких площадей гитары
своих мелодий врубят такты

на струнах проводов и рельсов,
безумством вывесок неонных,
и водосточных труб оркестры
подхватят страстным геликоном.

Стремглав помчатся эти ноты
по тротуарам и дорогам,
презрев ограничений квоты
и предпосылки, и итоги.

Как будто этой странной жизнью
в урбанистическом «покое»
надёжно правит кто-то Вышний
метафизической рукою.

Слова

Слова –

звукоряд, откровения полный,
понятен он всем, и поэтому часто
наречия, местоименья, глаголы –
от многих напастей

простое лекарство.

Они нас и учат, и бьют, и ласкают,
разят красотой и душат уродством.
Простые слова – перелётные стаи,
упорные, как восходящее солнце.
Они опровергнут наветы и сплетни,
в них зреет

любовой улады томленье,
их власть безгранична,

хотя незаметна,
им все подчиняются:

бездарь и гений,
богач и бедняк,

и трусливый, и смелый.
Их славу и силу никто не догонит.
А чем же для слова является дело?

По сути – синоним.

А может, - антоним?

А может быть, это не то, не другое?

И даже лингвисты – наука их тщетна –
не знают, откуда священной толпою
слова заполняют скрижали завета.

Они отворяют поэзии краны –
и льются на сердце метафор потоки,
словами врачуют душевные раны,
общаются люди, вещают пророки.
Слова –

это всплески эмоций тревожных,
извивы страстей и изгибы желаний...
Лишь так

изменить человечество можно.

Такая работа и есть воспитанье!

Их магия просто, светло и умело
спасёт человека от жара inferno.

И в этом, наверно, - их главное дело,
и в этом – их цель и значение.
Наверно.

О языке

Живая речь – не яркий фантик –
простая функция ума,

основа знаний и грамматик,
и разговора, и письма.

Не зря Господь за самомненье,
людскому бунту вопреки,
на том большом столпотворенье
перемешал все языки.

Отняв умение общаться,
взаимовыручки лишив,
создал неразбериху наций,
войны жестокий рецидив.

Язык – глобальная картина,
ключ воспитанья и добра,

невидима, но ощутима

его словесная игра,

его метафор многоцветье,

его эпитетов поток

и вознесённый из столетий
поэзии высокий слог.

Но иногда трудом грамматик,
не очень-то загромождён

от дураков и бюрократий,
родится «брат» его – жаргон.

Он псевдопрост и псевдовечен,

он псевдожизни господин,

пустопорожен и беспечен,

без пламени, чадающий дым.

Как человечеству усвоить
столпотворения урок?

Язык уродовать не стоит.

Не всё прощает нам пророк.

Откуда возникает стих?

*Я не выдумываю слов,
как делал пращур одарённый,
когда познанья первый зов
разворошил его нейроны.*

...Строка является сама...

Ольга Денисова

Откуда возникает стих?

Нейронно-клеточная связь

рождает внутренний мотив,

во вдохновенье обратясь.

Как, разрешенья не спросив,

в слова играет красота?

Какой химический извив

строкою выдают уста?

Молекул дикая возня,

безумный броуновский бег,

влиянье Божьего Огня

в их энтропической судьбе.

И вот – волшебный результат:
наш мозг фиксирует ответ,
как будто фотоаппарат –
фосфоресцирующий след.
На отражение пенять
тебе, поэту, не с руки.
Прими как Божью благодать
новорождённые стихи.

О романтике

Романтический флёр,
романтический бред,
юных дев фантазийный
горячий коктейль,
чудеса, принесённые ветром судеб,
несравненный Сервантес
и Хемингуэй.
Незнакомок едва различим силуэт,
исчезающий в лунном сиянье Плеяд.
Словно ангелом вписан
в романый сюжет,
убелённый туманами видеоряд.
В чём романтики суть?
Не пойму, хоть убей!
В этом мире,
с жестокостью вбитой в мозги,
обречённом своих пожирать сыновей
по закону дремучей и дикой тайги,
где улыбка ребёнка и нежный цветок
не канают на рынке разменных монет.
Но среди озлобленья,
сражений и склок,
может быть,
обнаружится нужный ответ
на вопрос о значении этой игры,
не имеющей ценности в золотниках,
но ввергающей душу в иные миры,

отряхнув с её ног
унижения прах.
Может, кем-то когда-то
забыт невзначай
из первичного хаоса
вышедший в свет,
проложивший дорожку
в сияющий рай
романтический флёр,
романтический бред?..

В душе моей два океана

Иосифу Бродскому

В душе моей два океана,
и я никак не разберусь:
мне ближе поле Авраама
иль неразгаданная Русь?
Стихи – не хворь, а панацея,
помощник, приходящий в срок.
От них, сникая и слабея,
уходит боль водой в песок.
Они, подобно икебанае, -
словами выраженный стиль,
лечение душевной ране,
волшебный вид, и сон, и быль,
с плывущей по каналу баркой,
вдали колонн старинный круг
на площади Святого Марка.
Венеция – не Петербург.
Иосиф – странник и отшельник,
он о Васильевском мечтал,
но остров мёртвых Сан-Микеле
его последней волей стал.
Меж океанов не потеряя,
как будто греческий Колосс,
не сокрушим и не измерен,
стоит поэзии утёс.

Михаилу Козакову

Твои друзья и персонажи
сверкали яркой голограммой
и не предполагали даже
визита этой старой дамы.

Она пришла, груба, не звана,
к писателю, комедианту,
звездой чёрной, безымянной,
на улицу поэта Данте,

разя смертельною косою,
легко, размашисто, сердито.
Умрёт ли праведник Миррою
и жадный грешник дон Зурита?

Кто злой, кто добрый – всё равно ей.
У каждого свои причалы.
Так что ж, они уйдут с тобою,
любимец муз Михал Михалыч?

Напрасна вся её работа:
не зачеркнуть и не разрушить
твои «Покровские ворота» -
твою блистательную душу.

★ ★ ★

Никогда не видел я «Большого»
изнутри. С балкона ли, партера
не смотрел «Бориса Годунова»
и не аплодировал премьерам.

Не вставал в восторженном порыве,
подчиняясь силе той небесной,
с нотой заключительной клавира,
выносящей зрителей из кресел.

Мне не ведом воздух, заряжённый
вдохновеньем, пламенем и потом,
уносимый волей Аполлона
на квадриге, вылепленной Клодтом.

Никогда не плакал я с Джульеттой,
и меня Жизели милой прелесть
не вела к неведомым ответам,
а хотелось...

Как же мне хотелось...

Кино

Глаза в глаза, во весь опор
несётся фильм о нашей жизни,
из наших душ, из наших пор
злым обвинением облыжным.
Сценарий был задуман крут –
идея и драматургия.
Уже проложенный маршрут:
рассвет, напор, удар... Стихия,
конечно, рухнет пред игрой
ума, таланта и успеха...
Прошли года, пропал настрой,
и только тающее эхо
звучит... Кумиров пуст загон.
И что почём, на самом деле, -
мы знаем... Знаем и о том,
что звёзды в небе потускнели...

Но то, что было – не ушло,
не удалось, но не забыто.
В картину нашу привнесло
свои мазки, свою палитру.
И оттого на сердце грусть,
но и покой, но и веселье.
Не получилось. Ну и пусть!
А фильм хороший посмотрели.

О простоте

O, sancta simplicitas !

Ян Гус

На простоте построен мир,
за простотою виден Бог,
звучание небесных лир,
преодоление тревог.
Она не хуже воровства,
святая эта простота,
всегда невинна и права,
земною истиной сыта.
Она несёт вязанку дров
в костёр, где жгут еретика,
она кричит: - Распни его! –
и не по злобе – просто так.
Таков неписанный закон
блаженной простоты святой.
Любили Сталин и Нерон
владеть взбесившейся толпой,
на растерзание послать
козлёнка жертвенного, чтоб
вместить немереную власть
в бездонность собственных утроб.
Над простотою большинства
растёт всесилье диктатур,
она не знает волшебства
философических фигур,
не напрягает мысли нить,
не проникает в смысл и суть.
И в этом некого винить.
Не рассуждай...

Не обессудь...

О достоинстве

Уходя – уходи, укрывая печаль,
покоряя шторма параллелей.

Правдолюбец, герой
или трус, или враль –
уходи, ни о чём не жалея.
Не проси, не канючь –

это глупость и стыд,
а смиренно свою епитимью
унося – уноси по пути Атлантид,
утонувших в пучине безвинно.
Только так,

превращая бессонницу лет
в молоко возвращения птичье,
ты найдёшь для себя

многотрудный ответ:
чем на низость походит величие?
Где достоинство бродит

и присно, и днесь,
совершенства негромкий товарищ?
Как встречаются счастье

и мудрость, и честь?
Уходя – уходи, и узнаешь.

Поезд

Писем жёлтая бумага –
атрибут былых столетий,
допотопной колымагой
едут в память письма эти.
Из глубинного сознанья
тех времён не позабытых,
там, где бабушек вязанье
и висящее корыто.
Накрахмаленных простынок
леденящая прохлада,
из окна неповторимый вид
заброшенного сада.
Взлёт, парение, паденье,
оправданий тихий лепет,
цепь потерь и обретений...

И бессонно едет, едет
поезд жизни, поезд смерти.
Люди входят и выходят –
подростающие дети,
стук колёс и звон мелодий...
На окошке незабудки,
ожидание ответа,
ветерок тревожно-чуткий
в небе тающего лета.
Что промчалось каруселью:
малодушие, отвага?
Обо всём, на самом деле,
помнит жёлтая бумага...

и будто колыхнулся пол,
доселе бывший монолитом.
Чем пахнет детство? – Голова
в воспоминаний тёплых лапах –
духами «Красная Москва» -
такой любимый мамин запах.
Прошитый ниткой золотой,
как танго – быстроногий танец –
вошёл он пряной остротой
под мозжечок, гипоталамус.
Подкоркой впитан аромат,
неистребим, как ни усердствуй,
лишь крепче будет во сто крат.
Дохнуло праздниками детства...
Родимый дом – уютный рай,
где на стене большая карта,
приход гостей и Первомай,
и Женский День 8 Марта.
Так, различимое едва,
в пустом флаконе мне досталось
дыханье – «Красная Москва» -
незабываемая радость.

Колечко

Простое тонкое колечко
на пальце дочери моей –
по женской линии извечной
от бабушки досталось ей.
Я помню: мама молодая,
её счастливое лицо,
улыбка, словно солнце мая:
купили первое кольцо.
Всё достоверно – камень, проба.
Не постояли за ценой.
А за спиной судьбы дорога
и детство, битое войной.
Успехи, трудности и боли,

работа, магазины, дом.
Все переливы женской доли
в колечке маленьком одном.
Любовь и радость материнства,
мечты и кропотливый труд
(таков наследования принцип)
по женской линии идут.

Память детства

Так бывает нечасто:
как само совершенство,
прибежит голенаста
та девчонка из детства.
Не вокруг, не снаружи,
а внутри, в сердцевине,
снова детство закружит
и в полёте застынет,
и прольётся тревогой,
но окажется, если
позовёт недотрога
в позабытые песни,
то возьмёт и нанижет
всю тоску и печали
на бегущие лыжи,
на сачки и педали,
вспыхнет порохом ярким
золотых фейерверков
и умчится в запарке,
унесённая ветром.
Как её не заметить -
улетевшую шалость?
Нам из лучших наследий
память детства досталась.

О выборе

Частенько право выбора
бьёт главными калибрами.

Всю жизнь – рекой альтернативы,
потоки пенятся ключом,
решаться сигануть с обрыва
ты поминутно обречён.
На сушу вытащенной рыбой
хватает воздух жадно ртом,
и выбор, выбор, выбор, выбор –
как будто по спине кнутом.
Среди картин иконостаса
любой портрет – пример пути,
ты выбрать что-нибудь обязан,
свою дорогу обрести,
свою любовь, свою тревогу,
определить, узнать, решить –
как быть, а не рядиться в тогу?
Как полыхать, а не дымить?
И так идёшь, седой и гордый,
сквозь бурелом альтернатив,
из какофонии мелодий
свой выделяя лейтмотив.

Форма сосуда

Сосуда форму принимает жидкость,
любую форму – спор тут неуместен.
Яд и лекарство, слово и улыбка –
всё перемешено и жидким тестом
уложено в тончайшую посуду,
душою женскою наречено когда-то,
ни человеку и ни Богу неподсудно,
не понято никем и не объято.
Ко мне всегда
ночным приходишь бдением,
заранее о том не объявляя,
бальзам любви и воодушевление
в мои ночные образы вливая.
И там опять, измученные жаждой,
мои сосуды с жадностью покорной

спешат упиться этой каплей каждой
и обрести её посуды форму.

Закат

Когда дорогой к морю мы вдвоём
идём, пылает зарево заката,
и волн едва звучащий обертон
поёт призывно и манит куда-то.
Соцветий южных радужный наряд
склоняют вниз

гирлянды пёстрых веток,
твоих волос любимый водопад
я украшаю маленьким букетом.
Нас дуновением

встречает дикий пляж
накатом шелестящего прилива,
его разнообразный антураж –
земли неувядающее диво.

Открытым горизонтом увлечён,
небесный пурпур

всколыхнёт наитьем,
и вод лучисто-золотой крешон
всё поглотит, могуч и ненасытен.
Туда, свой вечный соблюдая курс,
светило убежит дорожкой лунной,
на куполах мерцающих медуз
готовясь расцвести зарёю юной.
Ну, а пока, весёлый огонёк
в глазах твоих

развится рыбьей стаей,
и счастья согревающий поток
вечерним бризом душу оmyвает.

Двадцатый век

Ушедший век – простой графит
из тектонического жара –
в своих запасниках хранит
алмазоносные гитары.
«Ах, гёрл...» - звучание тех дней,
следы «кибиток разноцветных»,
восторг «катящихся камней»
и юность на «Большом Каретном».
Звучал, звучал вечерний звон
о страсти необыкновенной,
двадцатый век – любовный стон,
он возводил и рушил стены,
своею жизнью раскрывал
недоговорки междустрочий,
боготворил, любил, швырял
дорогами детей цветочных.
От сотрясений и любви
с необратимостью побега
ушёл, не истоптав травы,
своё не раскрывая эго.
Годами бит любовный бит,
взамен придуманы консервы
страданий, чувств... Но всё ж бузит
век наступивший, двадцать первый.

Мои года

На жёлтые мои печали
облокаются, холодный век
зрачками цвета серой стали
глядит из-под тяжёлых век.
Дай отдышаться, прощелыга,
уйми страстей лихой галоп,
не бей судеб тяжёлой книгой
в мой бледный анемичный лоб.
Летят, летят шальные годы,

недель мелькают поезда,
как будто из Парижа в Лондон
несётся скорый «Евростар».
И непонятно – где начала,
где середины и концы,
года мои, как аксакалы –
ещё вчера совсем юнцы,
взирают важно и неспешно
из далека, из темноты,
а в их глазах мелькают вечность
и придорожные кусты.

Право на ошибку

Не имея права на ошибку,
это право мы себе вручаем,
часто провидения улыбку
за благословенье принимая.
Так вовек устроено, наверно,
что, когда мы розовы и юны,
бережёт нас, щедростью безмерна,
тихая улыбчивость фортуны.
Окружённые любовью близких,
движемся к успеху, не иначе.
Это ли не абсолютный признак
всюду ожидающей удачи?
Как бы там ни выходило круто,
расслабляться всё-таки не стоит,
взрослой жизни каждая минута
может оказаться непростой,
может стать отметкой поворотной
вовсе не желанного отсчёта,
уносящей в тяжкие заботы
новой траектории полёта.
И, когда уже бывает поздно
вспоминать о юности беспутной,
каждый умоляет Бога слёзно
воротить сбежавшие минуты.

Просит Совершающего судьбы
уберечь от горести и хляби:

- Ах, мне только,
только бы вернуть бы!
Вот тогда бы я бы,...
я бы,... я бы!..

Взгляд

Мне дочка просто написала «папа»
на клетчатом листке моей тетради,
пронзая лет пережитую напасть,
мне душу это слово тихо гладит.
И пробуждая гул воспоминаний,
передо мной

всплывают, многолики,
трудов неодолимые цунами,
отчаяния скачущие пики,
ночей бессонных красные рассветы
и вечеров усталые прибои,
на берег набегающие редко,
едва качая галькою морскою.
Но всё уходит при едином взгляде
на лист бумаги,

где зелёной лампой
горит в моей, ещё пустой, тетради
написанное дочкой слово «папа».

Рони

Прошлого мы дети,
и не унять дрожь –
жизни хмельной ветер
белый висок глохнет,
то поведёт кругом
и над землёй гонит,
то принесёт вдруг нам

внучку-звезду Рони.
Ручек её пальцы
держат в узде время,
клавиш и струн танцем
лет сократят бремя.
Глазок её искры
высветят смысл новый,
старый сосуд истин
молодостью полня.
Пусть говорят ветры
и мельтешат кроны,
станет для нас светом
внучка-звезда Рони.

Город

Укоротив дневной бедлам,
пуская ночь к себе в аллеи,
расскажет тихо город нам
свою простую одиссею:
об электричестве, воде,
о фонарях дневного света,
о том, что в городской судьбе
так много отсечённых веток.
На площадях листва шумит,
гудит бессонно и нещадно
а голова его болит,
болит от ругани площадной,
он, походя, обматерит
пережитое и прогнозы,
суставов уличных артрит,
канализаций варикозы,
но всё ж шансоны пропоют
ветра – весёлые бродяги,
вплетая в парковый уют
костра дымок и запах влаги.
А город, сложный и простой,
поговорив совсем немного,

объятый сонной красотой,
вздремнёт у нашего порога.

Израильская осень

Октябрь – осень в наших палестинах.
С утра мессией дождичек покапал,
лимон промокший тихо и картинно
стучит в окно своей зелёной лапой.
На дюнах, в рощах, вади и оврагах
всё притаилось в жажде сублимаций,
когда потоков радостная влага
омоет корни сохнувших акаций.
Долина Хулы – место для привала,
где журавлей стотысячная стая
на отдых приземляется устало,
свой вековечный путь одолевая.
Стремясь на юг,

к просторам африканским –
туда, где небо без конца и края,
клин журавлиный –
символ дальних странствий –
с визитом эту землю посещает.
С собой приносит он холодный ветер
и облаков дождливые сугробы,
травой потом взойдут подарки эти
из дальних весей северной природы.
Порой осеннею

всё верит, всё мечтает:
закончатся хамсинные недуги,
возобладеет истина простая:
уйдёт печаль – не унывайте, други!

Зимняя ночь

Ночи зимней подлунная смоль,
белым хрустом шаги запоют,
настроение – тихий бемоль.

Грациозен морозный уют.
Приглушённый безмолвия крик,
на озоне настояна мгла,
ясный вечер зимы многолик,
неизбывна его кабала.
Вкусный воздух, влетающий в рот –
ароматов невыжатый сок,
зимних месяцев круговорот –
детской памяти нежный кивок.
В ореоле ночных фонарей
на снежинках отсветы огня,
по ладоням замёрзших полей
линий жизни проходит лыжня.
Колют звёзды ежовой спиной,
и глаза устремляются к ним.
Эти ночи приходят за мной
много лет и, конечно же, зим...

О памяти

Людская память – род болезни,
пережитого отголоски.
Всё происшедшее исчезнет,
оставив отпечаток броский.

И память, искры всех открытий
дающая земному миру,
с задором и завидной прытью
все наши залатает дыры,
все наши нам исполнит песни,
все горькие утрёт нам слёзы,
бегущая туда, где тесно,
туда, где грязно и бесхозно.

Она нас выручит – научит,
убережёт на перепутьях,
всепонимающий попутчик,
наш друг, единственный, по сути.

Уитни

Мир замирает, услышав
блестящий, чистый, монолитный,
диапазоном в пять октав
твой голос, девочка Уитни.

Сначала был церковный хор
и звёздный фильм "Телохранитель".
И зазвучал с тех самых пор
твой голос, девочка Уитни.

Берёт пугающий разбег
ажитаж парадно-хитный,
взрывает каждый саундтрек
твой голос, девочка Уитни.

И, словно древний царь Мидас,
всё превратив в золотые слитки,
тебя возносит на Парнас
твой голос, девочка Уитни.

Но там, в обители богов,
не умиляется Всевышний.
И не спасёт ни от чего
твой голос, девочка Уитни.

Женская поэзия

Всегда тишиною окутано эхо -
ответом на окрик, на выстрел,
нежданно,
как будто рукой
из небесной прорехи,
нам машут Марина, и Белла,
и Анна.

Их строчек волшебных
сверкают гирлянды,
и почерк их ясный
понятен и светел.
С вихляющим свистом
шутихи-петарды,
в них тает холодный,
тревожащий ветер.
И скачет, и бьётся сердечная
птица,
взрывая грудные и прочие клетки,
а солнечных бликов горящие спицы
стихами садятся на голые ветки.
В них скрыты страданий
и радостей сонмы,
годов пролетевших опоры и вехи,
как окрик, как выстрел,
звучащие волны.
И в них тишиною окутано эхо...

Трюизм

Тебе всё это только предстоит,
мой внук грядущий - будущий Ясон:
и Ариадны шёлковая нить
у лабиринта с Золотым Руном,

и века непростые рубежи,
смешение событий и проблем,
над пропастью блуждание во ржи
и развенчание мифологем.

В конце концов, своё руно добыв,
на нём узришь написанный трюизм:
"Любовь одна имеет право быть,
на остальное –
жалко тратить жизнь!"